

ГЛАВА II

КУЛЬТЫ БОЖЕСТВ-ПРАРОДИТЕЛЕЙ АРМЯН И ЭПИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ

В религиозно-мифологической системе древних армян особое место занимают культы божеств-первородков, патриархов-родоначальников *наапетов* армянского народа и эпических героев. В трудах раннесредневековых армянских авторов—Агатангехоса, Мовсеса Хоренаци, Павстоса Бузанда, Себеоса, Анании Ширакаци и др.—сохранились мифы, легенды, эпические сказания о них. Основное их содержание—повествования о героических свершениях легендарных предков армян—Хайка Араманеака, Арамаиса, Арама, Ара Гехецика, Торка Ангеха и пр.

Памятники мифо-эпического творчества, каковыми являются повествования о наапетах-хайкидах, потомках патриарха Хайка, составляют ценнейшую часть культурного наследия народа, будучи свидетелями и тем самым источниками его древней истории. Мифо-эпический мир—это своеобразное отражение действительного мира, своеобразная модель временного и пространственного континуума, строящаяся по определенным законам, трансформирующим действительность «мифологизированием» (выражение К. Маркса). Мифо-эпическое творчество основывается на исторической действительности, поэтому при переходе от мифа к эпосу на первый план выходят отношения этнических групп и архаических государств, как правило, исторически существовавших¹. Мифо-эпическое время (или эпоха), как называют в современной науке время создания архаического эпоса, прослеживается в истории каждого народа и обычно совпадает с мифической эпохой первотворения. Исторически же ранняя эпика, складывавшаяся в период разложения родо-племенного строя², берет свое начало с древнейших стадий этнической истории народа.

Сказания о наапетах представляют собой преимущественно полумифическое-полуисторическое отображение сложнейших этнических процессов начальной истории армян в их мифотворческой деятельности. Централь-

ным сюжетом в них является мотив освободительной борьбы армян против иноземных захватчиков в лице правителей крупнейших древневосточных держав—Ассирии, Мидии и т. д., на фоне исторических событий, происходивших на территории Армянского нагорья и в близлежащих областях. Иными словами, для эпических мифов характерна «историзация содержания»—«архаические боги и герои в них преобразовались в эпонимов армян, основателей страны и государственности... Мифические события были включены в конкретно-географическую среду. Злые космические или хтонические духи и демоны стали фигурировать как «чужие» этнические вожди цари или царицы вражеских государств... Борьба между хаосом и космосом трансформировалась в военно-политическую борьбу между армянскими и «чужими» народами и государствами...»³.

Подобно библейским сказаниям о Симе, Хаме, Иафете, легендарные повествования о Хайке, Араме и других хайкидах отражают в себе исторические события тех незапамятных времен, когда целые племена или народы персонализировали исполнителей титан, покровителей страны, борющихся за ее существование, свободу и процветание.

Армянская устная народная традиция в течение многих веков удивительно хорошо сохранила мифы и легенды о наапетах и их потомках вплоть до раннего средневековья, когда они были зафиксированы в письменной литературе. Достаточно только вспомнить труд Мовсеса Хоренаци, где они лучше всего сохранились, чтобы убедиться, с какой любовью и теплотой эти сказания рассказывались, сколь много они значили для памяти народной. И совсем не случайно, что эпические герои-наапеты в свое время обожествлялись (Хоренаци их так и называет—«боги» или «полубоги»), почитались как величайшие и могущественнейшие из богов, которым посвящались планеты, звезды, целые созвездия. Однако следует с самого начала

подчеркнуть, что их обожествление и почитание было не столь религиозного, сколько легендарно-возвышенного характера. По всей вероятности, в начале в образах героев наличествовал элемент религиозности, однако со временем он уступил свои позиции и к моменту письменной фиксации этих мифов уже почти не наблюдается, как мы увидим ниже. При демифологизации и историзации архаических мифов и складывании эпоса между различными мифо-эпическими персонажами возникала определенная кровно-родственная связь, о чем красноречиво свидетельствует и генеалогическое древо, приведенное у Хоренаци. Оно так изображает истоки первопредков-наапетов, начиная родословную еще с Иафета: «Յարեթ ծնանի զԳամեր, Գամեր ծնանի զՔիրաս, Քիրաս ծնանի զՔորդոմ, Քորդոմ ծնանի զՀալի, Հալի ծնանի զԱրամանեակ, Արամանեակ ծնանի զԱրամայիս, Արամայիս ծնանի զԱմասիայ, Ամասիայ ծնանի զԳեղամ, Գեղամ ծնանի զՀարամայ, Հարամայ ծնանի զԱրամ, Արամ ծնանի զԱրայն Գեղեցիկ».—«Иафет родит Гамера. Гамер родит Тираса. Тирас родит Торгома. Торгом родит Хайка. Хайк родит Арменака. Арменак родит Армаиса. Армаис родит Амасию. Амасия родит Гехама. Гехам родит Хармая. Хармай родит Арама. Арам родит Ара Прекрасного»¹.

На пороге принятия христианства армянами божества-наапеты выглядят уже мифическими предками, эпическими героями—основоположниками народа, эволюция образов которых теснейшим образом связана с эволюцией этнического самосознания армян. Эти божества занимают промежуточное положение в религиозно-мифологическом комплексе древних армян между пластами догосударственных и государственных богов. Мифические повествования, описывающие их героические свершения, наилучшим образом отражают этногенетические процессы, а также важнейшие события в ранней истории армян.

1. *Культы Хайка и Арама.* Древнейший из армянских мифов—это легенда о первопредке армян Хайке, приведенная в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, в «Истории» Себеоса, а также в труде Анании Ширакани. Легенда повествует о том, как пра-родитель армян Хайк, «статный, рослый, быстроокный, с божественными кудрями, с крепкими мышцами, славившийся среди исполинов храбростью», восстал против вавилонского царя Бела, титана деспотического нрава, стремившегося властвовать над всеми. Хайк, который «был противником всех, кто подымал руку единоличного господства над всеми исполинами и полубогами», не желал покориться Белу. «Он гордо выступил, поднял руку против самовластия Бела (в то вре-

мя), когда род человеческий распространялся по всей широкой земле, выступил он среди множества исполинов безмерно-неразумных и сильных». —«... Հալի պեղապատշաճ և անձնեալ, քաջազանդուր, խալտալն և հասարակուի: Սա է մէջ սկալիցն քաջ և երեկելի լեալ, և ընդդիմակաց ամենեցուն, որք ամբառնալին դձևուն՝ միապետելի վերալ ամենայն սկալիցն և դիւցազանց: Սա խրոխտացեալ ամբարձ զձեռն ընդդէմ բոնաւորութեանն Բելալ, ի տարածանել ազգի մարդկան ընդ լալնութիւն ամենայն երկրի, ի մէջ բազմակրթ սկալիցն, անհուն խօյաց և ուժաւորաց»².

Не захотев участвовать в захватнических войнах, где «разъяренные люди, вонзая меч в бок своим собратям, думали господствовать друг над другом», Хайк, «после рождения сына Арменака, двинувшись пошел в землю Арагатскую, что в странах севера, с сыновьями, дочерьми и с сыновьями своих сынов—мужами сильными, числом около трехсот в сопровождении домохозяев и пришельцев, приставших к нему со всем их скарбом». —«Գանդի անդ մտնեցեալ ալր իւրաքանչիւր, սուր ի կող ընկերի իւրոյ ձգելով՝ ջանալին տիրել ի վերալ միմեանց. ուր պատահմունք ի զէպ ելանէին Բելալ բունայալ ունել զամենայն երկիր: Որում ոչ կամեցեալ հնազանդ լինել Հալիալ, լես ծնանելով զորդի իւր զԱրամանեակ ի Բարեղունի՝ չու արարեալ զնայ լերկիրն Արարադայ, որ է ի կողման հիւսիսոյ, հանդերձ որդւովք իւրովք և դստերօք և որդւոց որդւովք, արամք զօրաւորօք, թուով իբրեւ երեքհարիւր, և այլովք ընդոճօք և եկօք լարեցելովք ի նա և բոլոր աղխւն»³:

Остановившись «у подножия одной горы на поляне, где жило уже небольшое число еще прежде рассеявшихся людей», Хайк оставляет там своего внука Кадмоса с некоторыми домохозяцами, а сам «направляет свой путь к северо-западу и поселяется на высокой поляне и именует эту горную равнину Харком» «Հարք» означает «отцы», район современного Мелазгерда-Маназкерта). «Он строит также одну деревню и называет своим именем Хайкашеном», что значит «Хайком построенное» —«Երթեալ ընակէ ի լեռնոտին միում ի գաշտալալրի, լորում սակաւք ի մարդկանէ լատաշարն ցրտելոցն զաղարեալ ընակին. զորս հնազանդ իւր արարեալ Հալի՝ շինէ անդ տուն ընակութեան կալուածոց և տալ ի մտանդութիւնն կաղմեալ որդւոյ Արամանեակայ: ... Եւ լինքն խաղալ... այլով աղխիւն ընդ արեւմտաւ հիւսիսոյ. դալ ընակէ ի բարձրաւանդայ գաշտի միում, և անուանէ զանուն լեւնադաշտին Հարք, այս լինքն»⁴.

թէ Հարր են աստէն քնակեալը՝ ազգի տանն թորդումայ: Երկն և դիւղ մի, և անուանէ լիւր անուն Հայկազէն»¹:

Тем временем Бел, «утвердив власть свою над всеми», предлагает Хайку покориться ему. Отвергнув требования «титанида» Бела подчинится и возвратится на юг.— в Вавилонию, Хайк был вынужден дать бой преследовавшему его «тирану». «Страшно заколебалась земля от столкновения исполинов обих сторон и от воинственного натиска. Яростными нападениями они наводили друг на друга ужас»,—красочно описывает бой титанов Мовсес Хоренаци: «Եւ յառաջ մատուցեալ զբանս իւր ասէ, թէ ի հաստատել Տիտանեանն Բելայ ղթագաւորութիւն իւր առ ամենեանն՝ առաքէ ի կողմն հիւսիսոյ զմի ոմն յորդոց իւրոց առ Հայկ արամբը հաւատարմօր, զայլ նմա ի հնադանդութիւն և կեալ խաղաղութեամբ: «Բնակեցեր, ասէ, ի մէջ ցրտութեան ստանամանեաց. այլ ջնուցեալ մեղկեա զցրտութիւն սառուցեալ թո հպարտացեալ բարուցդ, և հնադանդեալ ինձ՝ կեանք ի հանդարտութեան, ո՛ր հաճոյ է թեզ յերկրիս իմում քնակութեանս: Եւ ի բաց դարձուցեալ Հայկայ զպատգամալորսն Բելայ՝ խստութեամբ պատասխանեաց: Դառնայ առաքեալն անդրէն ի Բաբելոնի: Ապա զօրաժողով լինի ի վերայ նորա Տիտանեանն Բէլ ամբոխի հետեակ զօրաց. զայլ հասանէ ի հիւսիսի, յերկիրն Արարառայ, մերձ ի տունն Կաղմեայ: Փախստական լինի Կաղմոս առ Հայկ, քաջինթացիկս առաջի իւր առաքե. «Գիտեա՛, ասէ, ո՛վ մեծդ դիցազանց, զի դիմեալ զայլ ի վերայ թո Բէլ յաւերջիւր քաջօր և երկնադիօր հասակօր սկալիւր մրցողօր» ... Իսկ Բէլն, յանդուգն և անճոռնի զօրութեամբ ամբոխին, որպէս յորձան ինչ սաստիկ ընդ զառ ի վայր հեղեղեալ՝ փութայր հասանել ի սահմանս քնակութեանն Հայկայ, ի սիրտ և ի մարմին վստահացեալ արանց զօրաւորաց: Աստ ուշիմ և խոհեմ սակայն, քաջագանդորն և խայտակնն, աճապարեալ հասարէ զորդիս իւր և զթոռունս, արս քաջս և աղեղնաւորս, թուով յոյժ նուազունս, և զայլսն ևս որ ընդ իւրով ձեռամբ հասանէ յեզր ծովակի միոյ, որոյ աղի են ջուրքն, մանունս ունենալով յինքեան ձկունս: ...Եւ յառաջ կոյս անցեալ բովանդակ ասպարէզս՝ հասանեն ի միտոց ինչ զաշտաձև՝ լերանց բարձրագունից: Եւ յաջմէ ջուրոց հոսանաց ի բարձրաւանդակում կուռ կալով ի տեղուց, ի վեր զընծոս ամբարձեալ երեկցաւ նոցա բազմութիւն անկարգ հրոսակի ամբոխոյն Բելայ, ցան և ցիր յանդուգն յարձակմամբ ընդ երեսս երկրին սուրալով, իսկ Բէլ հեղ և հանդարտ ամբոխի մեծաւ ի ձախմէ ջուրցն ի

վերայ ոստոց միոյ, իբրև ի դիտանցի ... Եւ տեսեալ Հայկին զՏիտանեանն կուռ վառեալ, և զարս բնախրս ընդ նմա աչինս և ահեկինս՝ կարգէ զԱրամանեակն երկու եզրաբբ ընդ աշմէ, և զՎաղմոս և զայլս երկու յորոտց իւրոց ի ձախմէ, զի արդ կորովիւր էին յաղեղն և ի սուսեր. և ինքն առաջի, և զայլս հրոսակին զինի իւր կարգեաց. երեքանկունի իմն կարգեաց ձեռով, հանդարտ յառաջ մատուցեալ: Եւ հասեալ երկոցունց կողմանց սկալիցն ի միմեանս՝ ահագին զորդունս ի վերայ երկրի առնէին շահատակելով, և ահա պակուցանոցս տարազուր յարձակմանցն սկալագունքն զմիմեամբ արկանէին»²:

Наконец луконосец Хайк, «устремившись вперед, приблизился к царю и, туго натянув широкий-как-озеро, лук, угодил в наперсник Бела стрелою с на-три-расщепленным наконечником».

После смерти вавилонского царя его полчища обратились в бегство, Хайк же похоронил Бела на холме, где они сражались, вокруг которого в честь одержанной победы основал поселение и назвал его Хайк— Հայք, «Поэтому теперь еще область эта называется Хайоцдзор (Հայոց ձոր — Армянское ущелье). В приведенном варианте миф кончается словами: «Страна же по имени предка нашего, Хайка, называется Хайк».—Անդ ոչ սակաւք յերկոցունց կողմանց արբ յաղմիւր դամբ բերանոյ սրոյ դիպեալք տապալ յերկիր կործանէին, և մարտն յերկոցունց կողմանց մնայր անպարտելի: Չայստիսի անակնունելի դիտուած տարակուսանոց տեսեալ արքայն Տիտանեան զարհուրեցաւ, և ի նոյն բլուր ուստի էօն՝ մերջոտեալ ելանէր. քանզի խորհէր ի միտոցի ամբոխին ամբանալ, մինչև հասցէ բովանդակ զօրն, զի միտանդամ ճակատ յօրինեսցէ: Զայս իմացեալ աղեղնաւորին Հայկայ՝ յառաջ վարէ դիմքն, մօտ հասանէ յարքայն, լի քարշէ զլայնալիճն, դիպեցուցանէ զերեթեանն կրծից տախտակին, և շեշտ ընդ մէջ թիկանցն թափանցիկ լեալ՝ յերկիր հարստի սլարն. և այսպէս ճոխացեալն Տիտանեան կործանի յերկիր զարկուցեալ, և փէլ զոզին: Իսկ ամբոխն տեսեալ զայսպիսի ահագին զործ քաջութեան՝ փախեան յուրաքանչիւր ուղի երեսաց իւրեաց: Եւ վասն այսորի՛ աշտափ ըստական լիցի ասել: Բայց զտեղի ճակատուն շէնէ դաստակերտ, և անուն կոչէ Հայք, վասն յաղմութեան պատերազմին. այսորիկ աղաղաւ և զաւառն այժմ անուանի Հայոց ձոր: Իսկ զբլուրն, ուր քաջամարտկօրն անկաւ Բէլ՝ անուանեաց Հայկ Գերեզմանս. որ այժմ ասին Գերեզմանակիր: Բայց զդիակն Բելայ պաճուճեալ զեզրով, ասէ, հրամայէ Հայկ տանել ի Հարթ, և թաղել ի բարձրա-

սանդղակ տեղից, ի տեղի կանանց և որդեղ իւրացի իսկ աշխարհս մեր գոչը յանուն նախնեցի մերոյ Հայկայ՝ Հայրո՞՞».

Миф о Хайке и Беле, по существу, эпическое повествование о борьбе хайев (армян) с семитами. В литературе высказана также мысль о том, что в единоборстве Хайка с Белом отражена борьба Урарту с Ассирией¹⁰. Во всяком случае, определенная связь мифа с начальной этнической историей армян очевидна: в эпониме Хайк олицетворены древнейшие хайи, от которых исходит само название армян—հայ—хай/хай. Анализируя образ Хайка и связь эпонима Хайк с этнонимом хай, Гр. Капанянц, в частности, отмечает, что «такого патриарха, как исторической личности, у нас не было. Тут имеется олицетворение этнического... имени հայ—«армянин» как это часто делалось в древнем фольклоре... Армянское этнонимическое Хайк не только персонифицировано, но по тому же древнему идеологическо-мифотворческому мышлению или представлению так же обожествлено, получив даже место на небе (созвездие Орiona), как это мы видим и у других культурных и крупных племен и народов древности»¹¹.

Есть основание говорить о генетической связи эпонима Хайк с топонимом Хайаса и этнонима хайи с этнонимом хайасцы. Данное предположение представляется весьма вероятным и дает основание сделать два важных вывода: первый—о наличии преемственности в культуре и составе населения Армянского нагорья в хайасский и послехайасский периоды; и второй—об особенностях мифотворческой деятельности, когда этнические процессы в известной мере персонифицируются в образах первопредков-патриархов.

Ряд атрибутов Хайка свидетельствуют также о древней традиции обожествления его образа. В религиозно-мифологических воззрениях древних армян он предстает как покровитель хайев-армян, как символ свободы и независимости¹², вознесшийся в небеса и почитавшийся как небесное светило. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что созвездие Орiona у армян называлось Хайк/Хек —Հայկ/Կեկ, что нашло отражение как в устном народном творчестве, так и в Библии¹³.

Хайк как божество-прародитель наделен характерными чертами божества первопредка и божества-патриарха: образ его, с одной стороны, сливается с образом космического бога-творца, как обычно наблюдается у мифически: предков—персонажей эпохи перипотопии, с другой—приближается к образу праотца народа, создателя страны. Как другие аналогичные божества, так и Хайк, наряду с созданием людей, народа,

страны, совершает также и другие деяния—строит селения, приближаясь в этом аспекте к образу культурного героя, точнее—первопредка-демиурга, являясь основателем справедливости и равенства на земле¹⁴. Чрезвычайно велико его значение как в религиозно-мифологической системе, так и в народных представлениях, где Хайк связывается не только с небесными светилами, но и с понятием времени в самом широком смысле. Он считался олицетворением космического и земного времени, выступая как бог времени, фигурирующий впоследствии в армянских народных сказках в образе старика Жук-жаманак—Չոկ-Չամանակ. В средневековой Армении месяцы календаря считались правнуками и правнучками Хайка, персонифицирующего год, время, вечность¹⁵.

Можно говорить также об определенном функциональном совпадении образов урартского Халди и армянского Хайка¹⁶. И тот, и другой представлялись вооруженными воинами, героями, стоящими на страже страны и народа; и тот, и другой были верховными покровителями, верховными божествами: Халди был богом неба, Хайк, тоже стал восприниматься как могущественное небесное существо, олицетворяющее целое созвездие. Всеобъемлющим был образ Халди у урартов, образ Хайка у древних армян представляется таким же значительным, как во временном, так и в пространственном параметрах—Хайк в качестве бога времени и в качестве патриарха-предводителя, расселившего свой народ по огромной территории, начиная с юго-западных окраин Армянского нагорья до Араратской долины. Если к этому добавить и то, что имя Хайк в известной степени ассоциируется с именем Халди, то станет очевидным наличие определенного урарто-армянского параллелизма.

Примечательно также, что в грузинской исторической традиции фигурируют мифо-эпические персонажи Хайос и Картлос—братья-первопредки хайев—армян¹⁷ и картвелов—грузин. Хайос являет собой своеобразный двойник Хайка, будучи наделен теми же чертами прародителя-эпического героя, а Картлос—грузинский аналог Хайка, что свидетельствует об историко-мифологическом родстве армян и грузин в глубокой древности.

Эволюция образа Хайка от отважного бога-охотника до эпического героя-луконоса, от астрального божества¹⁸ до великана-исполнителя (арм. զորավոր —«людоэз») говорит не только о древнейшем происхождении культа этого божества-прародителя, но и о его полифункциональности. Примечательно также то обстоятельство, что он выступает в паре с божеством-антиподом Белом. Теоним

этот общесемитского происхождения—Балу—«владыка, господин», обозначающий в аккадской и ассиро-вавилонской мифологии нескольких богов, прежде всего Энлиля и Мардука¹⁹. Последний в основных своих чертах больше соответствует описанному в армянском мифе Белу—воинственному, деспотичному, агрессивному. Верховное божество семитов, выступая в армянском мифе «символом зла»²⁰, врагом, против которого борется Хайк, символизирующий доброе начало, терпит поражение и погибает. Противопоставление добра и зла, их антагонизм, завершающийся в конце концов победой доброй, положительной стороны, частое явление в религиозно-мифологических системах разных племен и народов мира, особенно ярко отраженное в дуалистической традиции индоиранцев (индоарийцев), в частности в Авестийской мифологии, «в виде учения о двух полярных силах, действующих в космосе»²¹.

В историко-культурном аспекте значительный интерес представляют образы потомков Хайка, которые, как уже отмечалось выше, назывались Хайкидами и тоже становились объектами почитания. Среди них выделяет сына Хайка—Араманака (Арменака), внука—Араманса (Арманса) и, особенно, праправнука последнего—Арама, с именами которых связывается наиболее распространенный этноним армяны/армяне и топоним Армения.

В сказаниях об эпических героях Арменаке, Арамансе и Араме так же, как и в легенде о Хайке, мифическое переплетается с историческим. В древнеармянском эпическом сказании повествуется, что после смерти Хайка во главе народа встает его сын Арменак, который расширяет границы страны до горы Арагац, «гору же, применительно к своему имени, называет Арагатц, а владения свои—Арагатцотн» (Արագածոտն)— «нога, подножье Арагаца» — «Յայտմ խորթի թեան դաշտի բնակեալ Արամանեկայ՝ շինէ զմասն ինչ ի հիւսիսոյ կողմանէ դաշտին, և դոտն լերինն ի նոյն կողմանէ, և զլեռնն անտանէ լանկազոյն լիտ անտն Արագած և զկալտածոն՝ ոտն Արագածոյն»²². Далее повествуется: «Сын его, Араманс, строит себе жилище на бугре, (возвышающемся) на берегу реки и по имени своему называет его Армавиром, а реке дает название Ерасх» (Է. Ե. Արակ) — «Իսկ որդի նորա Արամալիս շինէ իւր տուն բնակութեան ի վերայ ռստոյ միոյ առ և դերբ գետոյն, և անտանէ զնա լիւր անտն Արամալիւր. և զանտն դիտոյն լանտն թոռին իւրոյ Երաստայ՝ Երասխ»²³.

В расширении границ страны, согласно легенде, самая большая заслуга принадлежит Араму, про которого рассказывают, что

«совершил много воинских подвигов в боях, что он раздвинул пределы Армении на все стороны; что все народы стали называть нашу страну его именем: греки—Армен, персы и сирийцы—Армени»—«Արամայ բազում դարձք քաղութեան պատմին մարտից նահատակութեան, և ընդարձակել զսահմանս Հայոց լանանայն կողմանց. յորոյ անուն և զաշխարհս մեր անտանեն ամենայն ազգք, որպէս Յոնք՝ Արմէն, իսկ Պարսիկք և Ասորիք՝ Արմէնիկք»²⁴.

Бои, которые вел Арам, были справедливыми, а не захватническими, будучи мужем трудолюбивым, любящим свое отечество, он «предпочитал скорее умереть за родной край, нежели видеть, как сыны инородных попирают родную землю, а чужеродные мужи господствуют над... его соплеменниками» — «Սա ալր աշխատասէր և հալրենասէր եղևոյ, լաւ համարէր զմեռանեն ի վերայ աշխարհացն, քան թէ տեսանել զորդիս օտարածնաց կոխելով զսահմանս հալրենեացն և հարազատից արեան նորա տիրել արանց օտարաց»²⁵.

Далее Мовсес Хоренаци описывает доблестные свершения Арама: защищая границы армянских земель, он вступает в борьбу с мидийцами под предводительством Ньюкара Мадеса, «мужа кичливого и войнолюбивого», державшего в течение двух лет под гнетом Армению. Одержав победу над ним и его войском, Арам приговора Ньюкара к стене башни в Армавире и налагает дань на его страну, подчинив себе» — «Պատահէ Մեդացոցն երիտասարդաց, որոց առաջնորդէր Նիւքար ոմն ասացեալ Մադէս, ալր հպարտ և պատերազմասէր, ... լեզերս սահմանացն Հայոց: Որոց միանգամ բուշանաբար հինի սմբակակոխ արարեալ զսահմանս Հայոց՝ ծառայեցոյց ամս երկուս: Որում յանկարծօրեն ի վերայ հասեալ Արամ յառաջ բան զծագել արեգակնս՝ սատակեաց զբազմութիւն ամբոխիցն, և զնոյն ինքն զնիւքարն զկոչեցեալն Մադէս ձերբակալ արարեալ ամէ յԱրմավիր, և անդ ուրեմն ի ծալիս աշտարակի պարսպին ցից վարեալ երկաթի ընդ ճակատն, յորմն վարսել հրամայէ, ի տեսիլ անցաւորաց և ամենայն եկելոց անդր. և զաշխարհն նորա մինչև ի լեռնն անտանեալ Ջարասայ՝ ի ծառայութեան հարկի կալաւ մինչև ցթաղաւորութիւնն նինոսի ի վերայ Ասորեստանի և Նինուէի»²⁶.

В преданиях рассказывается также, как он героически отражает нашествие ассирийских войск под предводительством исполина Баршама: «Арам, сражавшись с ним и истребив большую часть его воинства, заставляет его броситься, через область Кордук, на ассирийскую равнину». После смерти Баршама

ассирийцы причисляют его «к лику богов», Арам же «долгое время брал дань с большей части полей поработенной Ассирии» — «...Արամ, յետ վճարելոյ ճակատուն որ ընդ արեւելեաց՝ խաղայ նոյն գորովեամբ զկողմամբ Ասորեստանի. գտանէ և անդ զոմն ապականիչ երկրին իրոյ: չորիք բիրովք վառելովք հետևակօր և հինգ հազար հեծելագորու, Բարշամ անուն, չազգէ սկայիցն. որոյ սաստկագոյնս նեղեալ հարկատ Խստովեամբ՝ անապատ զբովանդակ շրջակայն իր աննէր: Սմա ճակատու պատերազմի ի զ՝Ար հարեալ Արամ, հալածական ընդ մէջ Կորբուազ ի դաշտն Ասորեստանի արկանէ, զբազումս ի նոցանէ սատանելով. իսկ Բարշամ առաջի զինակրաց նորա պատահեալ՝ մեռանի: Եւ զայս Բարշամ մասն իրոց արովեան բազում գործոց սատանածացուցեալ պաշտեցին Ասորիք ժամանակս լուսն: Իսկ զմեծ մասն դաշտացն Ասորեստանի կարուս և ծառայութեան հարկի Արամ բազում ժամանակս»²⁷:

На западе, в стране Каппадокийской, Арам встречается с оружием в руках титанид Пайэпис Каахеа, «захвативший в руки страну между великими морями—Понтом и Океаном. Арам, напав на него, заставляет его броситься на какой-то остров асийского моря. Оставив в этой стране одного из своих сродников, по имени Мшак, с десятью тысячами войска, сам он возвращается в Армению. Арам предписывает жителям той страны учиться языку армянскому; вот почему эта страна до сих пор называется Протин Армения, что в переводе значит Первая Армения: вилла же, построенная наместником Арама, названная по его имени Мшаком и обведенная небольшими стенами, старожилы, но неумению правильно произносить, называли Мажак'ом. Впоследствии, обстроив, расширили его и называли Кесариею»: «Աստ յարստոս շարժեալ ի վերայ առաջնոյն չորիք բիրովք հետևակագորու և երկու հազար հեծելովք՝ հասանէ ի կողմանս Կապադովկացոց, ի տեղի մի, որ արև ասի Կեսարիա: Եւ քանզի զարևելեանն և ոճարաւարինն նուաճեալ, յանձնեալ էր ի ձեռն Լրկուց ցեղիցս այսոցիկ, Սիսակեանցն զարևես, և որք ի Կադմեայ տանէն՝ զԱսորեստանին՝ ոչ հնչ: այնուհետև կասկած շփոթից ուտեք ունէր: Վասն որոյ յերկարեալ ժամանակս լիւնել յայնուտս՝ պատահէ նմա Պայապիս Քասղեայն Տիտանեանս պատերազմաւ, որ բոնացեալ ունէր զսիրոց անպուց ծովուց մեծամեծաց, զՊոնտոն և զՈւկիանոս: Որում ի զիմի հարեալ վանէ, փախրստական արկանելով ի կղզի ինչ ասիական ծովուն: Եւ իր թողեալ զոմն Մշակ անուն յազգէ

իրմէ և բիր մի ի զորացն ի վերայ աշխարհին և ինքն դառնայ ի Հայս: Բայց հրաման տայ բնակչաց աշխարհին՝ ուսանել զխօսքս և զլեզուս հայկական. վասն որոյ մինչև ցայսօր ժամանակի անուանեն Յոյնք զկղիմայն զայն Պոնտին Արմենիան, որ թարգմանի Առաջին Հայք: Եւ զդաստակերտն, զոր շինեաց յանուն իր Մշակ կողմնապետն Արամայ, փոքրագունիք պարսպեալ որմովք, անուանէին հինգ աշխարհին՝ Մամաք, որպէս ոչ կարելով ուղղախօսել. մինչև յետոյ լումանց ընդարձակագոյն շինեալ՝ անուանեցաւ Կեսարիա»²⁸:

В полумифических-полуисторических сказаниях об Араме сохранились отголоски исторических событий, имевших место в древней истории армян и повлиявших в значительной степени на их этническое формирование, а также расселение по определенным географическим областям. Историк продолжает повествование о том, как Арам, начиная с Мажака-Кесарии «до собственных своих владений, населил многие пустынные земли, которые были названы Вторую, Третью и даже Четвертую Арменией. Вот первоначальная и настоящая причина—почему западная часть нашего отечества названа Первою, Вторую, Третьей и Четвертой Арменией! ...Арам так прославился могуществом, что окрестные народы до сих пор страну нашу называют, как всем известно, по его имени. Он совершил еще много других подвигов...»: «Ըստ նմին օրինակի ի տեղեացն այնոցիկ մինչև ցրուն իր սահմանսն, զբազում անբնակ կրկիր ելից բնակչօք, որք Երկրորդ և Երրորդ անուանեցան Հայք, այլ և Չորրորդ: Այս է առաջին և ճշմարիտ պատճառն վասն անուանելոյ զարևմտեան մեր կողմն. Առաջին և Երկրորդ, այլ և Երրորդ և Չորրորդ Հայք: Իսկ որ այլ ի լումանց ասի ի լունական կողմանս՝ մեզ ոչ է հաճոյ. այլոց որչափ կամք իցեն: Արդ սա այսպէս հզօր և անուանի եղեալ՝ յանուն սորա մինչև ցայսօր, որպէս ամենեցուն յայտնի է, որ շուրջ զմեօք ազգք զաշխարհս մեր անուանեն: Բազում և այլ գործք քաղութեան ի սմանէ գտանին կատարեալ, այլ մեզ բաւական լիցի ասացեալս»²⁹:

Мифы и легенды об Араме представляют собой органическое продолжение сказаний о Хайке. В них образ Арама раскрывается во всей своей полноте: он предстает как один из наапетов-прародителей Хайкидов, как божество-покровитель страны, как эпический герой, борющийся за независимость родного народа.

В преданиях об Араме сообщается о борьбе армян с Мидией, Ассирией и Каппадокийей. Показательно, что воюя с Ассирией.

Арам сталкивается с богом Баршамом (Баршамин, Баршимина), образ которого восходит к образу западносемитского бога Баалшамема Балшамин) — «владыки небес», культ которого был известен и в Армении. В древнеармянской мифологии Баршам/Баршамин выступает богом-исполином, противником Арама (а затем и бога Ваагна), ассоциируясь с образом Бела — противника Хайке. В хананейско-арамейском пантеоне Баалшамем/Баршам был верховным божеством, а в Пальмире его образ приближался к образу Бела, тоже верховного божества с аналогичными функциями. И Бел, и Баалшамем в семитской мифологии величались эпитетами «великий и милосердный», «добрый и воздающий»³⁰. Однако в армянской мифо-эпической традиции, в частности в сказаниях о Хайке и Араме, они выступают как отрицательные герои. И это вполне закономерно, ибо в мифологических представлениях армян они фигурируют в роли предводителей вражеских войск, в роли противников, ведущих захватнические войны против страны армян. Таким образом, во многих чертах миф об Араме и Баршаме обнаруживает сходство с мифом о Хайке и Беле, и не только тем, что образы Бела и Баршама схожи, но и тем, что в обоих мифах отобразены отношения армян с семитским миром, в обеих битвах побеждает сторона, ведущая справедливую битву, в обеих случаях в результате одержанной победы расширяются пределы страны.

Воюя с Каппадокией, Арам борется против титанов и их предводителя — полубога-полукозла Пайалиса Каахеа (Папайос Химерогенес), которого изгоняет на остров в Азийском (Средиземном) море. Борьба Арама с козлеродным (φρῦνιδρῆ) чудовищем очень напоминает греческий миф, приводимый Гомером в «Илиаде», где рассказывает о Зевсе, который, победив стоголового дракона Тифона, закапывает его в земле аримов (ἀρῖμοι), под огнедышащей горой Аргайос, что в Каппадокии³¹. Не случайно, что в армянском мифе в передаче Мовсеса Хоренаци битва между Арамом и Пайалисом Каахеа Титанидом тоже происходит у подножия горы Аргайос, в местности Мажак-Кесария. Сходство между греческим и армянским мифами свидетельствует о древнейших культурно-исторических контактах армян с малоазийским и греческим мирами и представляет собой армянский вариант распространенного в древности сюжета борьбы божества-покровителя страны со злыми силами. Авторы, совершенно правомерно проводящие параллель с образом Зевса, считают, что Арам, заменяющий Зевса в армянском мифе, персонализирует аримов, т. е. арменов-армян (И. Маркварт, Гр. Капанцян, С. Т. Еремян и др.)³². Это обстоятельство дает основание полагать, что

Арам предстает не только и не столько как историческая личность, а скорее как личность легендарная, мифо-эпическая, наделенная божественными чертами.

Что же касается этноисторической и этнокультурной интерпретации образа Арама, то она возможна в трех планах. Первый план предполагает связь этого эпонима с названием страны Арме-Шуприя, тем более, что исторические события, описанные в легенде, происходили, по Хоренаци, «немного прежде воцарения Нина в Ассирии и Ниневи» (Ք. անխորհուրդ անօր ըրանու քան զոր հիւ Վրեանքի Ասորիանիսից և Նինոկի)³³, — в период существования этнополитического образования Арме-Шуприя. Кроме того, исторически можно считать доказанным принадлежность арим/арменов к индоевропейскому стволу, т. е. по данной трактовке эпоним Арам генетически восходит к Арме-Шуприя. Второй план наводит на мысль о связи эпонима Арам с именем урартского царя Араме. Действительно, известно, что этот царь воевал с ассирийским царем Салманасаром III (IX в. до н. э.)³⁴. В этом случае есть основание говорить об урартоармянской преемственности. Третий план предполагает увязывание образа Арама с библейским Арамом, который мифологически квалифицируется как предок древнего населения Сирии и Месопотамии — арамейцев.

С нашей точки зрения наиболее вероятен первый план рассмотрения, и эпоним Арам скорее находит обоснование в этнониме армены/армяне и топониме Арме/Армения. Все же считаем необходимым заметить, что вероятность трех планов рассмотрения правомерна в том смысле, что в образе Арама в мифологизированной форме преломились реальные этноисторические и этнокультурные процессы, поэтому в нем, в известной мере, отражены сложность и многогранность процесса формирования армянского этноса, вошедшего в себя различные этноязыковые группы и пласты. Во всяком случае современная степень изученности проблемы генезиса армянского народа допускает такой подход.

Если армянская историческая традиция связывала названия «армен», «Армения» с эпонимом Арам, то, согласно древнегреческой версии, эти названия восходят к имени Арменоса — друга аргонавта Ясона, родом из фессалийского герода Армениона. У Страбона сохранилось упоминание о том, как «Иасон во время своего путешествия к колхам вместе с фессалийцем Арменом проник вплоть до Каспийского моря и посетил Иберию, Албанию и большую часть Армении и Мидии», где Армен «оставил после себя одноименную с ним Армению»³⁵, на основании чего и делалось заключение о фессалийском

(балканском) происхождении армян. Геродот же считал арменов «переселенцами из Фригийской земли»³⁶. Эти версии о фессалийском и фригийском происхождении арменов/армян впоследствии превратились в целую теорию о сугубо индоевропейском происхождении, сторонники которой утверждали, что армяне—пришельцы с Балканского полуострова, через Малую Азию проникшие на Армянское нагорье, а не местный автохтонный народ. Такое полное исключение местного субстрата (в том числе и урартского пласта) из состава армянского этноса и преувеличение значения якобы пришлого индоевропейского элемента давно уже не выдерживает критики. Тем более в свете историко-лингвистических, а также антропологических изысканий последних лет, когда на основании сравнительно-исторического анализа разного рода материалов выдвинута концепция, получающая все большее признание в научных кругах, о местонахождении прародины индоевропейских языков в древней Передней Азии, в пределах от Малоазийского полуострова до Месопотамии, включая и территорию Армянского нагорья (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Р. Гусмани, П. Фронцароли, В. Пизэни, В. П. Нерознак и др.)³⁷. При допущении территории индоевропейской прародины, совпадающей хронологически и пространственно с областью в пределах восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии V—IV тыс. до н. э. предполагается сравнительно небольшое смещение протоармянского населения в пределах малоазийского ареала, где оно могло соприкасаться с анатолийским языковым миром, откуда, протоармяне в дальнейшем—в III—II тыс. до н. э. и в последующий период—распространяются в исторической Армении на Армянском нагорье, наслаиваясь на хуррито-урартский субстрат. Таким образом, миграции индоевропейских предков армян имели место только в плане распространения из первоначального очага по всему нагорью, а не в плане переселения извне, тем более из отдаленных краев; причем армянский язык составлял компонент греко-армяно-арийского диалектного единства, представлявшего собой одну из древнейших языковых общностей (после анатолийской диалектной группы), выделившейся из праиндоевропейского языка и продолжавшей независимое существование уже в стыве от него³⁸.

Обобщая все вышесказанное о божествах-эпических героях Хайке и Араме, следует еще раз подчеркнуть, что Хайк олицетворяет хайасское этническое начало, а Арам—арим/арменское, символизируя основные этапы в процессе формирования армянского этноса. Их легендарные деяния вполне совпадают с реальными историческими событиями

из древней истории, а передвижения—с этническими процессами и миграциями, имевшими место в этногеографическом ареале формирования армян как единой и целостной этнической общности.

2. *Культ Ара Гехецика*. В сонме дохристианских культов армян видное место занимает культ Ара Гехецика (Ара Прекрасного). Образ этот весьма сложен и многогранен и привлекал внимание многих исследователей.

Согласно эпическому сказанию, дошедшему до нас по древнеармянским письменным источникам, Ара Гехецик—сын Арама, один из известнейших хайкидов-патриархов, был армянским царем, в которого влюбилась ассирийская царица Шамирам (Семирамида). Мовсес Хоренаци так описывает события: «Ара, незадолго до кончины Нина, облечен был... такою же властью на управление своим отечеством, какою и отец его, Арам. Но сладострастная и блудная Шамирам, давно уже слышавшая о красоте его, хотя и искала случай видеть его, не решалась действовать открыто; после же кончины, или бегства Нина на Крит (я разделяю последнее мнение),—она смело начинает лелеять страсть свою: посылает послов к Ара Прекрасному с дарами и приношениями; делая ему большие обещания, просит его убедительно приехать к ней в Ниневию, взять ее в супружество и царствовать над всем тем, чем владел Нин; или же, удовлетворив ее страсть, возвратиться с миром на свое место с большими дарами»—(«Արայ սակաւ ամօք լստաջ քան զվախճանին Նինոսի խնամակալեաց իւրոց հայրենեացն, նույնպիսում շնորհի արժանաւորեալի Նինոսէ՛ որպէս և հալրն իւր Արամ: Բայց վաւաջն արն և բորբորիտոնն Շամիրամ ի բազում ամաց լուեալ զգնդեցկութենէ նորա՝ ցանկալր հասանել: ար ոչ ինչ լայտնապէս զայսպիսիս իշխէր զործելու Իսկ լեա վախճանելուն, կամ վախտական լինելուն Նինոսի ի կրեաէ, որպէս հավանեալ եմ, համարձակ պատուելով Շամիրամայ զախտն՝ առաքէ հրեշտակս առ Արայն Գեղեցիկ՝ ընծալիք և պատարագօք, բազում ազաջանօք և խոստմամբ պարգեաց. զալ առ նա ի Նինոսէ, կամ առնուլ կնութեան և թագաւորել ի վերայ ամենայնի՝ որոց՝ տիրէր և Նինոս, և կամ կատարելի՞ զկամս ցանկութեան նորա և դառնալ մեծաւ պատարագօք և խաղաղութեամբ ի տեղի իւր»³⁹.

Однако Ара Гехецик отвергает эту любовь, что и служит поводом для начала войны между Ассирией и Арменией. После несогласия Ара, «Шамирам в сильном гневе, в сопровождении многочисленного войска, спешит проникнуть в землю Армянскую и напасть на Арая. Но по всему было видно, что она шла не с тем, чтобы умертвить его или преследовать; но чтобы, покорив его и взяв

плен, заставить его исполнить волю ее и желание... Она стремительно является на поле Арая, названное по имени последнего Айратом. Перед боем она дает приказание своим военачальникам стараться, если удастся, сохранить жизнь Арая: «Եւ ի րազում անդամ երթեալիս ինչ հաւանել Արային. ի սաստիկ ցամառն լեալ ծամիրամայ՝ ի վախճանի պատգամաւորութեանն արնու զբազմութիւն զորաց իւրոց, և փութալ երթալ հասանել իրկիրն շաւոց ի վերայ Արայի: Բայց որչափ ի դիմացն էր նշանակեալ, ոչ ախշափ ի սպանանել զնա և ի հալածել փութալը, քան թե ի նուաճել կամ զրոտմբ սծել, զի ցցէ զկամս ցանկութեան իւրոյ. զի առ լոյժ ցանկականի մոլեղնութեանն, ի բանն որ զնմանէ՝ որպէս ի սեսութիւն շամբշութեամբ վառեալ էր: Դայ հասանէ տաղնապաւ ի դաշտն Արայի, որ և լանտն նորա անուանեալ Ալրարատ: Եւ ի լինել ճակատուն՝ պատուէր տալ զօրապետաց իւրոց, թէ զեպ ինիցի՝ հնարել տպրեցոցանել զԱրայն»⁴⁰:

Но к великому ее горю, Ара погибает. Тогда ассирийская царица приказывает найти и доставить во дворец труп Ара Гехецика. «И когда армянские войска снова восстали войною против царицы Шамирам на отомщение за смерть Ара, она сказала: «Я приказала моим богам лизать его раны, и он оживет». В то же время она, обуянная безумною страстью, надеялась оживить его чарами своего волшебства»: «Եւ ի լինել մարտին՝ հարկանի զօրն Արայի, մեռանի և Արայ ի պատերազմին ի մանկանցն ծամիրամայ: Դիակապուտս առաքէ տիկինն լեալ զաղթութեանն ի տեղի ճակատուն, ինչորեւ ի մէջ դիականցն անկիւրց զըզձալին իւր և զտարիածուն: Դոտանն զԱրայն մեռեալ ի մէջ քաջամարտկացն, և հրամայէ զնել զնա ի վերնատան ապարանիցն: Եւ ի զրգոնել միւսանգամն զօրացն շաւոց ի մարտ պատերազմի ընդ տիկնոջն ծամիրամայ, քրնսխնդիր լինել մահուանն Արայի՝ աւէ. «Հրամայեցի աստուածոցն իմոց լեզու զլէրս նորա, և կենդանացի: Միանգամայն և ակն տնէր դիւթութեամբ վկութեան իւրոյ կենդանացոցանել զԱրայ, ցնորեալ ի ստիական ցանկութեանն»:

Но со временем труп начал разлагаться, и его вынуждены были бросить в глубокий ров и засыпать. Опечаленная Шамирам, по преданию, чтобы покончить с войной, облачив одного из своих любимцев в одежду погибшего армянского царя, пустила молву, что «боги, облизав Ара, оживили его и тем исполнили наше страстное желание», и этим богам, как угождающим ее желанию, испол-

няющим ее волю, воздвигла изображение и торжественно чествовала его жертвами, желая показать всем, что сила этих богов возвратила Ара к жизни. Таким образом Шамирам, пустившая в ход эту молву по земле армянской и убедив в том всех, положила конец войне— «Եւ ի իրրե նեխեցաւ զն նորա՝ հրամայէ ընկենու ի վիճ մի մեծ և ծածկել. զմի ոմն ի հոմանեաց իւրոց զարդարեալ տնելոյ ի ծածուկ՝ համբաւէ զնմանէ ալսպես. «Իրկեալ աստուածոցն զԱրայ և կենդանացոցեալ ցրն զփափոզ մեր և զհեշտութիւն. վասն որոյ ասուել լալամ հետէ պաշտելիք են ի մէնջ և փառաւորեալք, իրրե հեշտացոցիչք և կամակատորք»: Կանգնէ և նոր իմն պատկեր լանտն դիւց, և մեծապես զոհիք պատուէ, ցոցանելով ամենեցուն, իրր թե ալս զօրութիւն աստուածոցն կենդանացոցին զԱրայ: Եւ ալսպես համբաւեալ զնմանէ ի վերայ երկիրս շաւոց, և հաւանեցոցեալ զամենեանն՝ զարդարեցոցանն զսազմն»⁴¹.

Миф об Ара Гехецике и Шамирам, приведенный у Хоренаци, отличается не только ярким описанием страстной любви ассирийской царицы к армянскому царю, но и содержит богатый исторический и мифо-эпический материал.

Предание интересно с нескольких точек зрения. Ряд авторов, думается, совершенно правомерно, видит в нем отголосок борьбы между Урарту и Ассирией (где в IX в. царствовала царица Шамурамат—исторический прототип Шамирам), т. е. реальные исторические лица и события в полумифической-полуисторической форме нашли отражение в предании и послужили основой для него⁴². Здесь нам представляется возможным сделать и другое предположение. Видимо, не случайно, что ассирийская царица воюет с армянским царем. Предположение о существовании какого-то политического образования у армян, протистоявшего Ассирии, не лишено основания. Достаточно здесь упомянуть хотя бы тот факт, что Арме-Шуприа совместно с Урарту неоднократно участвовала в войнах против Ассирии. Более того, в период падения Урарту к концу VII в. до н. э. в Арме-Шуприа «выделяется династия Скайорди, один из представителей которой, Паруйр, участвует в осаде Ниневии вавилонянами и мидянами в 612 г. до н. э., после падения которой он был признан армянским царем—«первым венценосцем» Армении»— «Սկայորդւոյն Պարուր՝ առաջին ի շալս թագաւորէ»⁴³.

Другая сторона в мифе об Ара и Шамирам, как отмечалось выше, религиозно-мифологического характера. Здесь идет речь о

воскрешении Ара Гехецика, что дает основные исследователям характеризовать его как умирающего и воскресающего божества. Интересно, что в древнегреческой легенде, приведенной в «Республике» Платона, упоминается об Эр-армянине, погибшем на поле брани, где его тело находят через десять дней целым и невредимым, а на двенадцатый день, когда его сжигают на костре, он оживает и рассказывает об увиденном им на том свете⁴⁴. Легенда об Эр-армянине из Памфилии, наводит на мысль о том, что концовка армянского мифа об Ара Гехецике и Шамирам, вероятно, была и-кажена более поздними христианскими авторами—рассказчиками легенды⁴⁵. Кажется маловероятным, что в те далекие времена, когда возникла легенда, развязка кульминации решилась бы тем, что создатели легенды бросили бы своего героя в глубокий ров и смирились бы с мыслью о его безвозвратной смерти. Думается, что в первоначальном варианте мифа Ара Гехецик воскресал и возвращался к своему народу, подобно тому, как Эр-армянин вернулся к своим. Ведь легенда об Ара и Шамирам—мифо-эпическое повествование борьбы армян с ассирийскими завоевателями, и Ара выступает здесь как предводитель и защитник своего народа, как символ его возрождения после тяжелой битвы с врагом, как олицетворение его героической борьбы за независимость. Подобно Хайку, Ара был вознесен на небеса в виде ночного светила; звезда Ара выступала как бы астральным символом борьбы за свободу и независимость народа.

Итак, Ара—умирающее-воскресающее божество древних армян. Функции умирающего-воскресающего божества у армян, как и у многих других народов древнего мира, весьма разнообразны. Это и божество природы, и божество весеннего пробуждения, растительности, земледелия, плодородия и плодovitости, изобилия, божество воды, т. е. в нем предстают атрибуты жизни, ее вечного обновления. Культы Осириса у египтян, Телепну у хеттов, Таммуза у вавилонян, Атлеса у фригийцев, Диониса у греков и пр. являются аналогами культа Ара Гехецика. В этом смысле можно говорить о наличии общего концептуального представления смерти и воскресения в системе религиозно-мифологических воззрений народов древности. Данное толкование находит подтверждение также в наличии женской половины: с Ара Гехециком фигурирует Шамирам, Осирисом—Исида, Думузи—Инанна, Таммузом—Иштар, Аттисом—Кибела, Алонисом—Венера, Дионисом—Гера и т. д. В культовых системах именно такие пары символизируют женское и мужское начало, их единство и противоположность как источник жизни. Кроме того, «мифам об умирающих (шире, исчезаю-

щих) и воскресающих (возвращающихся) богах свойственна, как правило, природная, земледельческая семантика... Эти мифы представляют собой основную разновидность природных, календарных мифов... Культовая фигура Великой огни-матери, персонифицирующей творческие силы природы, сохраняет в них свое значение. Однако с развитием аграрного общества и укреплением мужского пантеона она уступает часть своих функций мужскому земледельческому божеству... и фигурирует в календарных мифах главным образом как его мать, сестра, возлюбленная или жена»,—так анализирует семантику мифов об умирающих-воскресающих божествах П. А. Гринцер⁴⁶.

Еще Дж. Фрэзер, основываясь на обильном этнографическом материале по разным народам мира, обобщил идею о том, что древнее поверье о ежегодном умирании и воскресении природы как некоего живого существа, а также мотивы, порождающие обычаи и обряды содействия оживлению, разного рода ритуалы и т. д. и лежали в основе древнейших культов умирающих и воскресающих богов⁴⁷.—«культов, которые повлияли и на зарождение христианского культа распятого и воскресшего Спасителя-Христа»⁴⁸.

Култ Ара Гехецика, с другой стороны, представляет собой многослойное образование, вошедшее в себя культовые явления различных эпох. Не касаясь очевидного факта древнейших истоков представлений об умирающей и воскресающей природе, остановимся здесь в культе Ара Гехецика лишь на некоторых моментах, восходящих к почитанию вишапов—громных каменных стел в горах Армении и сопредельных с ней областей. Гр. Капанцян замечает, что «концепция или идеологическое содержание» культа вишапов предшествовало образу Ара Гехецика⁴⁹. Справедливость такого заключения подтверждается тем, что культ вишапов сохранил в себе почитание весеннего пробуждения природы, зелени, плодородия, земледелия, воды, т. е. преимущественно тех компонентов, которые в значительной мере составляли сущность культа Ара Гехецика. В этом смысле явно прослеживаются древние местные корни сложения культа этого божества. Такой характер культовых явлений объясняется той закономерностью, что в период сложения государственных образований многие природные культовые явления трансформируются, своеобразно персонифицируются в образах тех или иных исторических или мифических личностей.

Интересно отметить, что если Гр. Капанцян связывал почитание вишапов с культом бога Ара, то М. Абегиан—с культом Астхик-Деркетто—богини воды и плодородия, считая ее, в свою очередь, генетически родственной с

Шаирам (Семирамидой и Иштар) Астартой — с богинями со схожими функциональными характеристиками. Думается, в данном случае важно не столько то, с каким именно божеством можно связать культ вишапов, а то, что он, несомненно, был связан с культом воды и плодородия, широко представленном в древней Армении — в стране, где основной отраслью хозяйства было орошаемое земледелие. Нам кажется, что в разные периоды почитание воды как источника жизни связывалось с культом того или иного божества, и поэтому вполне возможно, что вишапы — проявление как культа древнейшей богини воды Нар, так и Ара и более поздней Астхик.

Сравнительный анализ теонима Ара приводит к выявлению весьма интересных параллелей, а возможно и генетических связей. У хеттов был известен теоним Ара(с), который считался божеством покровителем растительности. У урартов известны имена таких божеств, как Аруа, Араца, Арни, культы которых ассоциируются, как уже отмечалось, с почитанием растительности, зелени, горных пастбищ и т. д. Эти материалы дают ключ к выяснению истоков полифункциональности образа Ара Гехецика. К тому же прототипу божества растительности относится, возможно, греческий бог войны Арес, который, как известно, фракийского происхождения, и мог быть первоначально, как и его римский двойник Марс, растительным божеством: по Овидию, Гера породила Ареса без участия Зевса — от прикосновения к волшебному цветку⁵⁰. Не исключено, что с этими древневосточными божествами генетически связан и восточнославянский бог солнца, пашни и зелени Ярила (с корнем Яр-, *jar)⁵¹.

Этнографические материалы подтверждают степень и своеобразие формы проникновения в земледельческий быт армян целого ряда сущностных элементов культа Ара Гехецика, отголоски которых были живучи вплоть до самого недавнего прошлого. В этих материалах особо следует выделить песни пахаря, точнее песни плуга (арм. «гутанерг» — գուտաներգ), в которых часто припевы «аравел» или «аравел» и «аравел» — «блажен бог аравел». Гр. Капанцян слово «аравел» — արավել этимологизирует следующим образом: Ара — имя бога, а «вел» — означает «помоги, приходи», т. е. это укоренившаяся в народной традиции своеобразная форма обращения к богу земледелия во время пахоты. На наш взгляд, слова призыва «Ара-хо!» (Արա-հո!), которые часто сопровождают припевы в песнях пахаря различных историко-этнографических районов Армении, могут быть интерпретированы как традиционные формулы обращения к богу Ара — покровителю земледелия, растительности, полевых

работ. Еще одно примечательное явление можно здесь отметить: у армян многих историко-этнографических районов название «хоровел» (восходящее к «аравел»), фигурирует как синоним «гутанерг»-а — песни пахаря. Здесь «Аравел» или «хоровел» выступают не только как отдельные слова напева, но и как название целого цикла песен, связанных с земледелием, особенно с пахотой (հորովելի ներգ = գուտաներգեր)⁵².

В этом отношении весьма показательны грузинские и славянские параллели. У грузин «арале» или «арало» фигурируют в напевах песни пахаря, а у славян (русских, белорусов и др.) существовало, как отмечалось выше, почитание бога Ярилы (Ярило, Ярыло) как олицетворения культа весны, весеннего плодородия, пашни, зелени, сохранявшегося в пережиточной форме вплоть до XIX столетия. Эти данные, возможно, генетически родственны с вышеприведенными армянскими аналогами⁵³.

О глубине проникновения в быт армян некоторых элементов, восходящих к культу Ара Гехецика, могут свидетельствовать такие факты, как антропоним Ара и производные от него (аравел — արավել — «тропа», букв. «след Ара»), оронимы Арарат, Арагац (трон Ара), Араи-лер. В современном армянском разговорном языке закрепилось слово «ара» — как форма обращения к лицам мужского пола, что также может рассматриваться как отголосок некогда широко почитавшегося культа Ара Гехецика.

Выше говорилось об общности происхождения культов умирающих-воскресающих божеств и божеств потустороннего мира хайасского U-GUR, урартского Халди и армянского Ара. Отмечалось также, что в этнографической действительности армян сохранилось множество свидетельств о растительных жертвоприношениях, восходящих к дохристианской древности. Эти жертвоприношения, особенно в виде хлебных злаков, предназначались, по всей вероятности, богу растительности, весны, пашни, плодородия и обилия Ара. Такими же дарами чествовали своих богов-покровителей урожая и растений древние египтяне, греки, римляне, фригийцы, урарты. Сатурналии, виналии и вакханалии, так называемые «столбы Осириса» и «сады Адониса», самооскопление Аттисы и другие культовые действия и атрибуты характеризуют культы умирающих-воскресающих божеств древности.

Некоторые из этих обычаев и обрядов продолжали бытовать до недавнего времени: например, христианская пасхальная обрядность, что есть в сущности переделанный на церковный лад древний весенний, в

գլխով լիզուլ աստուծոցն և յարուցանել: Որի ի ծածուկ և ոչ ոսկեր ի ծանախից նորա ցուցանել զնա. և այսպէս հանել համբուտ արախաց տիկին Շամիրամն» («Шамирам приказывает перенести его труп в терем своего дворца и говорит: «Я скажу богам, чтоб они лизали его раны, и он оживет». Когда же труп стал разлагаться в тереме, она приказала такому бросить его в глубокий ров и зарыть. А одного из своих любовников, мужа подходящего, она обряжает и распространяет слух, будто боги лизали раны Ара и воскресли его. Она держит (любовника) в секрете и не показывает никому из его знакомых. Таким образом царица Шамирам распространяет слух об Аралезах»⁵⁷).

Итак, боги—добрые гении, воскресающие Ара Гехецика, назывались Аралезами, или Арлезами (Արալեզ, Հարալեզ, Արալեզ), и представлялись в облике собак (не только в мифологии, но и в культово-изобразительном искусстве⁵⁸). Согласно преданию, эти мифические существа получили свое название от того, что лизали раны Ара Гехецика. Другой армянский историк—Павстос Бузанд тоже упоминает об Аралезах, или Арлезах, в связи с тщетными попытками воскрешения трупа храброго Мухеца, из Мамиконянов: «Եւ եղև իբրև տարան զմարմինն սպարապետին Սուշեղի ի տուն իւր առ ընտանիս իւր, ոչ հաստատելն ընդանիւր նորա մահուն նորա. թեպետ և տեսանէին զգլուխ նորուն զատի մարմնորն անտի: ... լառնելոյ ան ունէին նմա. մինչև զգլուխն անդէն ի կոնդն կտրուալ կցեցին, և հանին եղին ի տանին աշտարակի միոյ, ասէին՝ թէ վասն զի այլ քաջ էր. Առկեզը իջանն և լարուցանեն զգաւ. Պահապան կուրին, և ան ունէին լառնելոյ մինչև ներեցաւ մտրմինն: Կնպա իջուցին լաշտարակէ անտի, և լաջին թագեցին զնա որպիս օրէն էր»⁵⁹.

Третий армянский историк—Езник Кочбаци—в своем «Опровержении ересей» в числе различных суеверий армян отмечает их веру в мифического Аралеза в образе собаки, которая «лизала раны павших на поле сражения храбрых воинов и тем оживляла их» («... և յորժամ վիրաւոր որ անկեալ ի պատերազմի դիտցի՝ թէ լիզիցէ և ողջացուցանիցէ, զոր արախեզն կոչեն. այլ այն ամենայն՝ ասասպետը»⁶⁰). У древних армян, очевидно, существовало особое поверье, что павших в битве за родину героев воскрешают собакообразные божества Аралезы, или Арлезы⁶¹. В этой связи интересно отметить, что в исторической Армении было селение Лезж (Լեզջ), название которого связывается с Аралезами⁶².

Культ собакообразных божеств восходит к древнейшему культу животных, в данном

случае собаки, трансформировавшемуся впоследствии в культ зооантропоморфного божества-тотема. Культ одного из таких божеств—древнеегипетского Анубиса, защитника и покровителя умерших⁶³—был тесно связан с культом Осириса—умирающего и воскресающего бога потустороннего мира. При таком сопоставлении представляется весьма закономерным то обстоятельство, что Аралезы фигурируют в армянской мифологии именно в связи с умирающим-воскресающим божеством Ара Гехециком.

Корни мифов об умирающих-воскресающих богах, таким образом, уходят в глубокую древность и берут свое начало в земледельческих культах, связанных с верой в смерть и воскресение природы, в первую очередь растительности, а также посевов хлебных злаков. Египетский Осирис в одном из растительных обрядов выступал в качестве непосредственного олицетворения хлебного зерна, что свидетельствует о слиянии земледельческого культа умирающего-воскресающего духа растительности с культом общегосударственного верховного бога. Точно так же в религии народов Месопотамии, наряду с официальными культами богов-покровителей государства и культом царей, сохранялся древнейший земледельческий культ умирающего и воскресающего божества природы, растительности, образ которого со временем слился с образом главного бога⁶⁴. Ара Гехецик у древних армян, надо полагать, тоже вошел в состав общеармянского государственного пантеона, и не только как умирающий-воскресающий бог весны, природы, но и как символ возрождения и расцвета народа в борьбе за существование, свободу и независимость.

3. *Культ Горка Ангеха*. Происхождение и сущность культа Горка Ангеха (Տորք Անգեղ), тоже из рода древнейших патриархально-хайдидов, уходит своими корнями в ту же мифо-эпическую древность. У Мовсеса Хоренаци сохранилось предание, в котором рассказывается, как «мужа с грубыми чертами, высокого, неуклюжего, со сплюснутым носом, впалыми глазами, диким взглядом, исполна ростом и силою, из потомков Паскама—внука Хайкака, по имени Торк, которого по чрезвычайному его безобразию прозвали Ангех'я, Вахаршак назначает правителем запада. По безобразию Торка Вахаршак называет и род его «Дом Ангех'я — Երակ գալը խոտոտազեղ և բարձր և կոպտարանձն և ասպակաքիթ, խորակն և դժնահուրեաց ի դասակ Պարամալ, ի Հակալ թոռնէ, ծուրք անուն կոչեցենայ, որ վասն խոտակ ժանդիմութեանն լծայնէին՝ Անգեղեայ, վիթխարի հասակու և ուժով, հաստատէ՝ կուսովայ արեմտից, և իրեսանց անպիտանութենէ կոչն զանուն ազգին Անգեղ տուն»:

О Торке Ангехе—каменотесе-ваятеле слагались песни. «возьмется, бывало, руками за гранитные, без трещины, скалы, отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и обрывает из них плиты, на которых ногтями же изобразит орлов и тому подобное»— «Բայց էթէ կամ յո՞ ստեմ ս ես լաղազս նորա անլաջ և փցուն, որպէս և Պարսկէք վասն Թոստոմայ Սաղընկի հարիր և քսան փղոց ոյժ սանն տնիլ: Քանզի կարի իմն անլարմար թուէին և նմա երգ բանրց վասն ոմեղութեանն և սրտեալ լինելոյն. որք ոչ Սամսոնի և ոչ Հերակլիսի և ոչ Սաղնկին լարմարին ալս զրոյցք: Քանզի երդէին նմա բունն հարկանել զործաքար վիմաց ձեռքք, որ ոչ զոյր զեզութիւն, և ճեղքել ըստ կամաց մեծ և փոքր, և քերել եղնգամբն և կազմել որպէս տախտակ, և զոն յոյնպէս եղնգամբն իւրովք արծուիս և ալլս այսպիսիս»:

Добродушный исполнитель, обладающий «силою ста дзядцати слонов», был сильнее Самсона, Геракла и перса Ростомы Сагчика, о которых рассказывались невероятные истории. Мовсес Хоренаци продолжает легенду о Торке Ангехе: «Пели про него также, что близ берегов Понтийского моря, встретив неприятельские ксраблы, бросился за ними. Но корабли успели отплыть в открытое море на расстояние восьми стадий; и Торк не поспел за ними. Тогда он, поется в песне, схватывает скалы величиною с холм и кидает им вслед. От сильного расступления вод потонуло немало кораблей; и волны, поднявшись от всколыхания вод, разогнали оставшиеся корабли на многие мили... Верно одно: Торк обладал чудовищною силой и не даром сложены про него подобные сказания»— «Եւ լեզեր ծովուն Պոնտոսի դիպնալ նաւաց թշնամեաց՝ դիտէ ի վերայ. և ի խաղալն նոցա ի խորն լրրե սապարէզս ութ. և սա ոչ ժամանեալ նոցա՝ առնտ, սանն, վիմս բլրածնս, և ձգէ զկնի. և ի սաստիկ պատամանէ ջուրցն ընկղմին նաւք ոչ սակաք, և ամբարձումն ալեացն, որ ի պատամանէ ջուրցն, վարէ դմնացեալ նաւն բազում մղոնս: Ի՛հ, կարի է առասպելս, ալլ ե առասպելաց առասպել: Բայց քեզ զի՞ է. քանզի էր արդարեւ սաստիկ հզոր և այսպիսեաց զրոցաց արժանի»⁶⁵:

Отметим, что в литературе образ Торка Ангеха интерпретирован по-разному. Одни авторы (М. Абебян, Н. Адонц и др.) считают, что культ Торка Ангеха сложился в результате слияния представлений о богах Ангехе и Тарку, где Ангех связывался с тотемистическими представлениями (ангех/ангх—անգղ по-армянски означает «гриф, грифон»), а Торк/Тарку, возможно, митанийско-хеттс-

кого происхождения, было божеством плодородия и растительности⁶⁶. Древнеармянскому богу Ангеху, как известно из источников, поклонялись в землях бассейна оз. Ван, в юго-восточной части которого находилось селение Анх. Другой культовый центр этого божества был расположен в гаваре Алдзник, где область почитания называлась Ангех-туном (*Անգեղ տուն*)—«Дом Ангеха». Вероятно, на той же территории почитался Тарку, или Тургу, и вследствие общности района поклонения обоим богам Турк стал отождествляться с Ангехом или рассматриваться как его потомок; утвердилось его наименование Турк Ангехеа (*Տուրք անգեղեալ*) «дар, дань Ангеха»⁶⁷.

Другие авторы, основываясь на мифах, где Торк Ангех фигурирует как правнук Хайка, безобразной внешности, огромной силы, но доброй души исполн, характеризуют его как одного бога: Торк/Тарку и Ангех—по-армянски *անգեղ, սարսի*—«некрасивый». Он был создателем каменных статуй и скульптур, руками откалывал гранитные скалы и ногтями их обтесывал. Одна из ипостасей Торка Ангеха заключается в его роли как культурного героя-демиурга, созидавшего из скальных глыб и стоявшего у истоков искусства каменной техники и скульптуры армян.

Песни о Торке Ангехе, напоминающие рассказы о циклопе Полифеме у Гомера⁶⁸, так же, как и легенды о Хайке, Араме и Ара Гехецике, отражают освободительную борьбу древних армян против иноземных захватчиков. В них Торк Ангех предстает как эпический герой, символизирующий силу и могущество народа, его непобедимость. Он выступает защитником родины от врагов; швыряет в корабли недругов огромные скалы, этим запугивая их и отгоняя прочь.

У других народов древности, как установлено специалистами, встречаются божества или мифологические персонажи с идентичными именами и аналогичной функциональной характеристикой: у хеттов—Тарку, Тарху или же Тархон, который считался сыном бога весны и плодородия Телепинуса и богини плодородия Ишхари; в хеттской мифологии Тархунт (*Tarhunt*)—«могущественный», был эпитетом бога грозы; из сирийской мифологии известен некий князь Тархунази—легендарный герой наподобие армянского Торка Ангеха: у ликийцев Трчка означал «бог»; а к грекам это малоазийское по происхождению божество перешло под названием Тархон, к этрускам и римлянам же—Таркуинис, Тарквиний. Сходство имени Торка-Тарху-Тархом с названием широко распространенного в интересующем нас географическом ареале ранневесеннего растения «тархун» (ср. имя бога Тархунтас) наводит на предположение о том, что это божество

было в некоторой степени связано и с весенним-растительным богом Ара, особенно учитывая то обстоятельство, что Торг-Тарху-Гархон был сыном бога весны и богини плодородия.

В целом если образ Торка Ангеха первоначально в определенной мере и связывался с почитанием растительности, то в период расцвета этого культа у древних армян он скорее всего воспринимался как бог-защитник отчизны и народа, символ необузданной силы, сокрушающей врагов. Область наиболее широкого почитания мифо-эпического героя Торка охватывала, как уже отмечалось, преимущественно юго-западные районы исторической Армении. И не случайно, что Ангех-туном называли именно ту область, где культ этого божества был представлен довольно широко. В устном народном творчестве армян именно этих областей нашли отражение образ и элементы культа Торка Ангеха⁶⁸. Отголосками культа Торка Ангеха и, особенно, его связи с почитанием анха-грифа следует считать и такие топонимы, как названия провинции Ангех в Аджинкской провинции Великой Армении, селений Ангехакот (в Сюнике), Анх (в Айрарате и Хайоц-дзоре), крепость Анх—цитадель Ангех-туна, а также название реки Анх и др.⁶⁹

Ангх-Ангех, по-видимому, был зооантропоморфным богом-тотемом у армян (как Аршибини у урартов), что говорит о глубоких корнях этого культа, восходящих к тотемистическим представлениям и культу птиц⁷¹. С другой стороны, известно, что в армянском переводе Библии именем Ангех заменено имя шумеро-аккадского бога подземного царства Нергала (IV, 1, 30). Сопоставляя Ангеха и Нергала, М. Абебян рассматривает их как солнечные божества, могучие и испепеляющие. Кажется также, что отождествление этих двух божеств было результатом восприятия анха-грифа (кордона) как расхитителя гробов и этим самым имеющего некоторое отношение и к подземному царству, владыкой которого в шумеро-аккадской мифологии являлся Нергал. В этом своем качестве культ Торка Ангеха тоже приближается к культу Ара Гехецика, о связи которого с попутопонимным миром уже говорилось выше.

Внутренняя связь культов этих двух древнеармянских божеств обнаруживается во многом. При сравнении образа Торка Ангеха с образом Ара Гехецика привлекают внимание и такие детали, выявляющие некоторое противопоставление: Торк Ангех—Торк Не-красивый, Ара Гехецик—Ара Прекрасный (Красивый). В этом противопоставлении, возможно, нашли отражение различия в сущности, функции и семантике этих двух куль-

тов. Ара Гехецик как божество природы, растительности, изобилия, земледелия, наделенный красивой внешностью и выступающий в паре с женским божеством, а Торк Ангех—как символ силы и мощи, постепенно эволюционирует, теряет первоначальные атрибуты, связанные с божеством растительности и всецело приобретает функции бога-исполнителя, бога, олицетворяющего неустовую силу народную.

Сравнительно-исторический анализ как языковых, так и религиозно-мифологических явлений приводит к выводу не только об относительно древних корнях культа Торка Ангеха у армян, но и об эволюции этого культа в процессе его исторического функционирования, в процессе размежевания и параллельного почитания во всей системе культов божеств-прародителей армян, мифо-эпических и культурных героев.

Резюмируя все вышесказанное о божествах-напетах можно сказать, что они, как и представители других пластов древнеармянского пантеона, отражают, с одной стороны, процессы начальной этнополитической истории армян, с другой—этнокультурные взаимосвязи и взаимодействия с соседними народами. Они представляют собой мифологическое отображение в народном творчестве важнейших исторических событий, сопровождавших процесс формирования армянского народа. Не случайно, что каждый из героических персонажей этой группы имеет антипода в лице предводителя или царя (царицы): Хайк—Бела, Арам—Баршам, Пайанис Каахя, Нюкар Малеса, Ара Гехецик—Шамирам. Торк Ангех—вражеские полчища. Этим еще больше подчеркивается эпико-героическая сторона их образов. Что же касается религиозно-культовой стороны божеств-прародителей, то она эволюционировала, как уже отмечалось, начиная с тех древнейших этапов истории, когда Хайк и Арам фигурировали еще как божества-первопредки. Ара и Торк—как божества растительности, Аралезы и Ангех—как зооантропоморфные божества-тотемы.

Характеризуя армянскую мифологию, В. Н. Топоров отмечает, что ее особенности состоят «в необыкновенно далеко зашедшем взаимопроникновении двух, казалось бы, противопоставленных друг другу сфер—мифологической и исторической, о чем можно судить хотя бы по «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, в которой на основании комбинирования данных из собственно исторических источников с мифологическими сведениями, почерпнутыми из народного эпоса (Випасанк, Ерг-випасанац) создаются... синтетические мифо-исторические персонажи и связанные, конечно, с ними сюжеты, состав-

ляющие важнейшие узлы раннеармянской истории...»⁷².

В мифотворческой традиции армян, в которой столь цельно и монолитно возвышаются героические образы Хайка и хайкидов, нашли своеобразное отражение не только исторические события тех незапамятных времен, но и характер и интенсивность этнокультурных связей народов, населявших

древнюю Переднюю Азию. Эти неповторимые памятники прошлого—сказания о божествах-наипетах—составляют ценнейшую часть духовного наследия армянского народа, являясь свидетелями и тем самым источниками его древней истории, ибо мифо-эпический мир—модель мира действительности, трансформирующая по-своему реальные события, отдается эхом мифической эпохи перворотворения, воссоздав ее как бы заново.